

Семья Хань отказывалась сдаваться, но и Шан Инжун на самом деле не был вегетарианцем и незаметно оказал небольшое давление на чиновников. Но Гуань Лин не мог устоять перед неоднократными приглашениями Хань Сяна.

Когда Гуань Лин пришел на встречу в третий раз, Хань Сян отвел его в «Пещеру удовольствий». Гуань Лин встал в дверях и, не двигаясь, улыбнулся Хань Сяну, а затем со вздохом сказал:

- Господин Шан не пришел сегодня. Если я войду, то не знаю, как смогу вернуться домой сегодня вечером.

- Разве ты сам этого не хочешь? - шутливо рассмеялся Хань Сян.

Лицо Гуань Лина не изменилось, на нем была та же расслабленная улыбка:

- Как я могу? Даже если бы мы поссорились, я никогда не ходил напиваться на сторону. Я действительно не могу сегодня пойти в этот бар.

С этими словами он поднял трубку и приложил ее к уху. Не давая Хань Сяну времени заговорить, он попросил господина Цяо выйти, чтобы составить компанию Сян Шао.

Хань Сян не стал смущать его, лишь шутливо сказал, провожая Гуань Лина до его машины:

- Похоже, что вы с господином Шаном - оба серьезные люди. Я не могу надеяться на то, что мне удастся сбить тебя с пути.

Гуань Лин улыбнулся и мягко кивнул Хань Сяну. Прежде чем сесть в машину, он также ответил шуткой:

- Хотя мы с ним оба старой закалки, мы не такие старомодные, как вы думаете. Время от времени я выхожу посмотреть, чем занимаются люди. Но господин Шан всегда находится в своем кабинете, когда возвращается из офиса. Он только и делает, что работает.

- Неудивительно, что вы ладите с моим отцом и братом... - Хань Сян рассмеялся, а Гуань Лин тем временем сел в машину и помахал ему рукой.

После его ухода улыбка на лице Хань Сяна исчезла, а на парковке прозвучали два слова:

- Старый лис.

Едва Гуань Лин вернулся и вошел в холл, кто-то уже стоял у лестницы, ведущей наверх.

- Поднимайся, - сказав одно слово, Шан Инжун повернулся, демонстрируя Гуань Лину свою спину.

Гуань Лин не сдвинулся с места, а просто сказал:

- Я собираюсь сделать чайник цветочного чая, хочешь?

Спина замерла, и прошло две-три секунды, прежде чем он обернулся. Человек с холодным лицом сморщил нос и кивнул. Не дожидаясь, пока он скажет что-нибудь еще, Гуань Лин развернулся и пошел на кухню. На этот раз он предоставил Шан Инжуну возможность любоваться его спиной, и его спина была гораздо более решительной.

Увидев это, Шан Инжун нахмурился. Он повернулся и сделал шаг, но затем оглянулся на исчезающую спину Гуань Лина, когда тот вошел в кухню. Понаблюдав за ним долгое время, он развернулся и зашагал в кабинет.

Гуань Лин заварил цветочный чай, нарезал немного фруктов и отнес их в кабинет. Шан Инжун сидел за столом, не двигаясь. Не глядя на него, Гуань Лин расставил все на столе и сказал небрежно и легко:

- Иди вымой руки и садись сюда.

Легкий звук постукивания по клавиатуре не прекращался, Гуань Лин поднял голову и мягко сказал:

- Иди вымой руки, Инжун...

Только после этого господин Шан встал, вернулся в спальню и вымыл руки, как раз вовремя, чтобы успеть выпить чай, который налил для него Гуань Лин.

Гуань Лин не знал, помнит ли Шан Инжун то, что он сказал той ночью. Но те несколько дней, которые они провели вместе, были по-настоящему мирными и комфортными. Они перестали говорить о любви и нелюбви, причинять боль и не причинять боль. Они работали вместе, как одна команда, и у них все еще было то же молчаливое взаимопонимание, что и в прошлом

- Не встречайся больше с Хань Сянем. Я велю Цяо Бэю присмотреть за ним, - равнодушно сказал Шан Инжун, сделав глоток чая.

Гуань Лин выдохнул, как будто ничего не произошло, и сделал глоток горячего чая. Он не был удивлен, что Шан Инжун, который всегда был на высоте в своих делах, на этот раз проявил свой фаворитизм. Он не стал возражать и кивнул:

- Мне тоже есть, что сказать тебе.

- Говори, - Шан Инжун произнес одно короткое слово, но когда его глаза остановились на белой коже в вырезе серой рубашки Гуань Лина, они слегка сузились, а взгляд стал немного глубже.

- Я хочу поговорить с Цзян Ху кое о чем... - произнеся эти слова, Гуань Лин посмотрел на лицо Шан Инжуна.

И действительно, лицо мужчины резко изменилось.

- О чем? - несмотря на изменения в его лице, его тон был спокойным.

Не видя, что он действительно вышел из себя, Гуань Лин слегка замер, а затем сказал после паузы:

- Я думаю, что я лично поддерживаю Цзян Ху. Ты с ним не ладишь, но я могу считать его другом. Семья Цзян уже сделала свой ход. На этот раз его дядя может подняться. Я хочу, чтобы ты отдал ему те несколько голосов, которые у тебя есть.

Если бы он мог достать это сам, Гуань Лин не стал бы обращаться к Шан Инжуну. Но власть в «Ronguang» находится в руках Шан Инжуна. У Гуань Лина было лишь общее представление о людях, которых он тайно поддерживал, но он не знал точно, кто они.

Хотя он и раньше вмешивался в эти дела, за исключением очевидных вещей в бизнес-секторе, он держался на должном расстоянии от остального и не трогал их всех. Но теперь у Гуань Лина не было выбора, и было бы глупо держать дистанцию в этот момент.

Он перебрал все термины для обозначения этого бреда, но в итоге понял, что притворяться отстраненным - это слишком претенциозно. Теперь он на поле боя, и чтобы вернуть свой долг, Гуань Лин не хотел прикидываться дурачком. Он сделает все, что в его силах.

- Ты хочешь поддержать семью Цзян против семьи Хань? - Шан Инжун поднял брови, протянул руку и застегнул верхнюю пуговицу рубашки Гуань Лина. Он не хотел, чтобы ослепительные ключицы мешали ему думать. У него все еще была работа, с которой нужно разобраться, так что ему не нужно отвлекаться.

Когда Шан Инжун протянул руку, веки Гуань Лина даже не дрогнули. Возможно, в последнее время он слишком сильно волновался, и его нервы давно онемели. Он даже не воспринял это всерьез, когда рука Шан Инжуна на секунду задержалась на его коже и ушла.

Он ответил привычным тоном:

- Да. Но я сделаю это лично.

Больше он ничего не объяснил.

Цзян Ху не мог принять добрые намерения Шан Инжуна, но примет его, потому что так же, как и Гуань Лин, Цзян Ху знал, что между ними существовали доверительные отношения. Даже если они помогут друг другу в будущем, они не будут переходить границы.

Что касается Шан Инжуна, то, несмотря на то, что он помог семье Цзян в прошлый раз, семья Цзян не захочет постоянно идти у него на поводу. В целом, репутация семьи Цзян все еще немного жестковата.

- Я не согласен, - Шан Инжун наложил вето, даже не задумываясь.

- Почему? Это потому, что ты не хочешь отдавать мне голоса, или ты думаешь, что я их не заслуживаю? - Гуань Лин улыбнулся краешком губ и мягко спросил.

Как только его слова покинули рот, чашка в руке Шан Инжуна разбилась о стол и разлетелась на несколько частей.

- Не достоин? Достоин? - Шан Инжун почувствовал, что его гнев, который не утихал уже несколько минут, снова поднимается, так как спокойная и непринужденная поза Гуань Лина заставила его выйти из себя. Но он не хотел постоянно выходить из себя, не говоря уже о том, что он никого не хотел бить, поэтому он просто игнорировал это.

Но как бы он ни сдерживался, этот мужчина все равно наносил ему холодные удары ножом в сердце, заставляя чувствовать себя неловко и лишая возможности говорить.

Он успокоился на несколько секунд, посмотрел на Гуань Лина и снова заговорил:

- Ты не хочешь слушать, тогда я повторю это снова. Если ты вернешься, я дам тебе все, что ты захочешь. Не зли меня, я отдам тебе все, у меня не будет никого, кроме тебя. С каким из этих твоих чертовых условий у меня проблемы? Ты собираешься помочь семье Цзян на этот раз, ты можешь, блядь, сделать это, но ты должен убедиться, что не имеешь с ним ничего общего. Даже если меня не волнует, что ты видишь его, когда захочешь, ты должен говорить мне каждый раз, когда встречаешься с ним.

- Я не пытаюсь помочь семье Цзян, - на губах Гуань Лина была холодность, даже насмешка, - Разве ты не знаешь, кому я помогаю?

Шан Инжун почувствовал, что снова сказал что-то не то, и закрыл рот. Через несколько секунд он хотел выйти из себя, но не было никакой возможности сделать это, поэтому он просто схватил чашку в руке Гуань Лина и разбил ее о землю. Он чувствовал, что попал в ловушку

Гуань Лина, и как бы с ним ни обращались, мужчина оставался равнодушен.

Только когда он услышал звук удара чашки о пол, он почувствовал, как на секунду-другую улеглось несчастье в его сердце.

От звука разбившейся чашки вены на лбу Гуань Лина дернулись, но он равнодушно посмотрел на Шан Инжуна, и когда увидел его опустошенные глаза, лицемерные заверения, которые собирались сорваться с его уст, остались произнесенными.

Ему вдруг захотелось курить.

Поэтому, под следящим взглядом Шан Инжуна, он подошел к ящику стола, достал одну сигарету и зажег ее. Прежде чем Шан Инжун собрался заговорить, он покачал головой и сказал:

- Сначала дай мне подумать об этом.

Гуань Лин знал, что сейчас не стоит проявлять мягкосердечие, но он мог справиться с гневом Шан Инжуна, и даже мог вынести боль, которую тот причинил ему, но он не мог выдержать такого взгляда Шан Инжуна.

Он не мог даже смотреть на него, и казалось, что в его сердце намертво застряла игла.

Даже не успев докурить сигарету, Гуань Лин подошел к Шан Инжуну с опущенной головой, обнял голову мужчины и прижал ее к своей груди, чтобы тот не смог посмотреть на него, и спросил сквозь стиснутые зубы:

- Ты помнишь, как впервые встретил меня?

Шан Инжун тоже обнял его, сначала не двигаясь, а потом его тело напряглось.

Гуань Лин горько улыбнулся, и его рот тоже был полон горечи:

- Ты не помнишь, но я помню это отчетливо. Я все еще помню, как я в первый раз признался тебе, в первый раз сказал, что люблю тебя, в первый раз, когда тебе стало плохо у меня на глазах, какой цвет ты ненавидел больше всего, какой тип людей тебе нравится, я все это отчетливо помню. До тех пор, пока это касалось тебя, я не мог дождаться, когда смогу вложить все это в свое сердце. Но обо мне... Ты ничего не помнишь обо мне. Хун Кан изучил мою биографию и показал ее тебе. Ты даже не знаешь, как я рос. Сколько всего ты знаешь обо мне? Знаешь ли ты, как я превратился из ничтожества в человека, который стоит перед тобой сейчас? Потому что я хотел дать тебе самое лучшее в мире, я хотел, чтобы ты знал, что я люблю тебя больше всего на свете. Я сказал тебе, что сделаю для тебя все, что угодно, и я сделал все, что обещал. Но какого хрена ты делаешь со мной? Что ты сделал со мной, кроме

того, что издевался надо мной, как ребенок?

Шан Инжун уже поднял лицо и его рука также схватила затылок Гуань Лина. Его глаза были спокойными и холодными:

- Теперь я знаю. Отныне, что мое, то твое. Поэтому ты не можешь любить никого другого. Ты должен остаться со мной. Если ты хочешь любви, я дам ее тебе.

Гуань Лин знал, что он ведет с ним переговоры. Он слишком хорошо знал, как Шан Инжун добивался удачи в мире бизнеса. Вот почему он решил, что это самый простой способ справиться с Шан Инжуном. Для него с холодным, жестким господином Шаном гораздо легче иметь дело, чем с ранимым Шан Инжуном.

- Я больше никого не буду любить. Я не буду, пока ты соблюдаешь мои условия. Но ты должен научиться не контролировать меня. И не обсуждай со мной никаких условий. Я буду встречаться с теми, с кем захочу. Если ты еще раз будешь шантажировать меня...

Гуань Лин посмотрел на Шан Инжуна и сказал, чеканя каждое слово:

- Если ты снова захочешь меня шантажировать, я ткну туда, где тебе будет больно.

В этот момент тело Шан Инжуна слегка напряглось. Рука Гуань Лина, которая опустилась на половой орган Шан Инжуна, пока он говорил слово за словом, стала тяжелее. Его лицо также было холодным:

- Если ты снова посмеешь вмешиваться в мои дела с Цзян Ху, если ты когда-нибудь снова с ним подерешься или снова переспиишь с кем-нибудь по фамилии Чэнь, или если ты снова сделаешь меня несчастным, я не просто собираюсь захватить твой «Rongguang». Я отрублю эту штуку, засуну тебя на склад, полный зеленого лука и буду держать тебя под замком, пока ты не умрешь. Затем я выброшу тебя на помойку и скажу всему миру, что я не хочу тебя...

Шан Инжун сначала слушал с холодным лицом, но последнее предложение заставило его нахмуриться. Несмотря на это, мужчина, который в это время оставался спокойным, спокойно спросил:

- А что потом?

Гуань Лин усмехнулся и отпустил его:

- Тогда я дам тебе один шанс, но только один раз.

После этих слов он был чертовски раздражен. Он чувствовал себя настоящей сукой. Он

позволил Шан Инжуну, который никогда не признавал поражения, снова выйти сухим из воды. Он должен был повернуться и уйти, когда Шан Инжун только сказал что-то о Цзян Ху, вместо того, чтобы кружить вокруг всего этого дерьма.

Гуань Лин договорился о встрече с Цзян Ху. Чтобы облегчить разговор, встреча проходила в относительно уединенном месте, и он неопределенно сказал Цзян Ху, что он имел в виду.

Цзян Ху немного посмеялся над этим, покачал головой и сказал:

- Нет, дела моей семьи в основном связаны с усилиями господина Шана и семья Хань не воспользуется этим. Мы в долгу перед ним и вернем ему долг в свое время. Что касается дел между господином Шаном и семьей Хань, я немного знаю об этом. Не волнуйся. На этот раз семья Цзян будет на вашей стороне.

- Нет, - Гуань Лин виновато посмотрел на Цзян Ху, - Это я хочу попросить твою семью об одолжении...

- Просто спроси меня, если что-то понадобится... - Цзян Ху стал немного нетерпеливым и постучал по столу.

- Цзян Ху, это, в конце концов, дело всей твоей семьи, - Гуань Лин спокойно посмотрел на Цзян Ху, - Неважно, насколько хорошая у нас с тобой дружба. Это это просто наши отношения.

- Ты действительно собираешься снова быть с Шан Инжуном? Добровольно? - Цзян Ху замолчал на несколько секунд, и насмешливо приподнял уголок рта, - К чему вся эта суета? Не боишься, что однажды он влюбится в кого-нибудь по прихоти и бросит тебя?

- Чего бояться? - колючие слова Цзян Ху заставили Гуань Лина приостановиться, но его лицо не изменилось. Он посмотрел на него и спокойно сказал, - Что еще я могу сделать в моем возрасте, кроме как работать и жить? Я заключил сделку с Шан Инжуном, что когда он влюбится в другого, я могу взять деньги и уйти. Это также причина, по которой я хочу построить отношения с твоей семьей, чтобы договориться с ним, пока еще могу. Я возьму его ресурсы и использую их в первую очередь. Когда у нас будут равные шансы, он не сможет делать со мной все, что хочет, как делал в самом начале.

Цзян Ху выслушал и докурил сигарету до конца, после чего сказал:

- Сначала я должен пойти домой, чтобы обсудить это с моей семьей.

Гуань Лин слабо улыбнулся:

- Конечно.

Цзян Ху затушил сигарету в пепельнице и небрежно спросил:

- Как ты думаешь, сколько еще лет пройдет, прежде чем ему это надоест?

Гуань Лин долго смотрел на столовые приборы перед собой, затем вздохнул и тихо сказал:

- Не жди меня, ты заслуживаешь лучшего.

Цзян Ху самоуничижительно рассмеялся:

- Верно. Давай посмотрим, если тебя бросят, когда ты состаришься, и если у меня еще не будет партнера, может, настанет наше время.

Гуань Лин опустил веки. Зазвонил мобильный телефон Цзян Ху. Он встал и равнодушно обратился к Гуань Лину:

- Не переутомляйся. У тебя уже мелкие морщинки вокруг глаз. Ты не нянька, не ввязывайся во все его дела. Больше думай о себе. Ты устал за полжизни, разве тебе этого мало?

Сказав это, он взял свой телефон и вышел из комнаты, оставив Гуань Лина, устало прислонившегося к спинке кресла. Через несколько секунд он беспомощно сказал в сторону двери комнаты отдыха:

- Выходите...

Хун Кан и его босс, от которого исходила аура неприступности, вышли. В отличие от босса, у которого в глазах были острые кинжалы, Хун Кан спокойно улыбнулся Гуань Лину и сказал:

- Извините, господин Гуань, мы были в середине разговора. Я не ожидал, что вы придете чуть раньше...

Гуань Лин просто прикрыл глаза руками и весело рассмеялся. У Хун Кана мурашки побежали по коже от его смеха, и он уже собирался заговорить, когда услышал холодный приказ своего босса:

- Убирайся.

Хун Кан деловито вышел и плотно закрыл за собой дверь.